

ВАРВАРА-КРАСА И ТЁМНЫЙ ВЛАСТЕЛИН

Бойтесь озвученных желаний.
Мироздание не дремлет, всё записывает.

Богиня зимы скучала в своих ледяных чертогах. Не радовали снежинки, живописно рассыпанные по ледяному полу, не веселили снеговики, исполнявшие для неё танец.

— Как же тут уныло! — вздохнула роскошная беловолосая женщина, поправляя на плечах белоснежное меховое манто. — Прогуляться, что ли, по мирам? Причинить кому-нибудь добро?

Она встала и прошлась по огромной сверкающей ледяной зале, вглядываясь в свои отражения в зеркалах. Каждое следующее демонстрировало её новые наряды. Общим в них был лишь цвет — белоснежный.

— Да, вот так годится, — довольно улыбнулась богиня, поправляя пушистый воротник шубки.

Цокот каблучков эхом отозвался в зале, и богиня отправилась в своё традиционное зимнее путешествие по мирам. За стенами ледяных чертогов взвилась вьюга, а когда ветер утих, богини Цясси уже не было. Пришло её время, время зимних чудес, время исполнения самых потаённых и заветных желаний.

ВАРВАРА

— Ва-арь, — пьяненько протянула Ленка. Её развезло уже давно, и сейчас она смотрела на меня своими огромными голубыми глазищами, в которых плескалось мартины.

— Н-ну? — отозвалась я.

— А всё же, ты хочешь замуж?

— Ленóк, замуж хотят все нормальные женщины, — подняла я указательный палец. Присмотрелась к своему алому маникюру, сделанному в честь юбилея, и продолжила: — А те, которые не хотят, не нормальные, а лица нетрадиционной ориентации.

— Да чего это? — вскинулась Ира. — Я вот больше не хочу!

— Ключевое слово — «больше», — тут же оживилась Наталья. — Ещё бы ты снова хотела замуж, это после того-то как почти год не могла добиться развода со своим гоблином.

— Не-е, — помотала головой единственная в нашей компании «разведёнка». — Он не гоблин. Он такое существо... Слова культурного нет, назвать его. А материться я не буду. Я же приличная женщина.

Мы с подругами переглянулись и рассмеялись. Мы «приличными» не были, а потому Иркиного «козла» как только не называли. Она, кстати, была с нами солидарна, так как натерпелась от него по самое «не могу».

— И всё же, Варь. Ну вот скажи, каким должен быть мужчина, чтобы ты согласилась выйти за него замуж? — завела свою песню Ленка.

У неё имелась идея фикс: выйти замуж за богатого, красивого, умного, здорового, трудолюбивого,

непьющего, некурящего романтика, к которому ни в коем случае не прилагалась бы свекровь. Естественно, таких удивительных персонажей ни на её, ни на нашем пути не встречалось, а потому мы все (за исключением Иришки, выскочившей замуж по «залёту» за своего однокурсника) благополучно оставались свободными птицами в поисках идеала.

— Д-да! — поддержала Лену Наталья, которая тоже уже сильно опьянела. — Какой?

Взгляды трёх подруг скрестились на мне в ожидании ответа.

— Самое главное, девочки, — нагнетая интригу, прошептала я, — чтобы он был... Знаете, как сказочный герой.

— Это как? — икнула Иришка.

— Ну, весь такой сильный, смелый, могучий, чтобы его боялись все, кроме меня.

— Ага, Тёмный Властелин! — расхохоталась Наталья, сбивая всю интригу.

Ленок и Ира зашипели на неё, чтобы не мешала имениннице признаваться в самой страшной тайне. Именинница — это я. Мы с девчонками отмечали мой юбилей, сидя в ресторанчике, наливаясь мартини, коктейлями и закусывая всё это обильными закусками. Родилась я в ночь с двадцать первого на двадцать второе декабря. Правда, маменька постоянно путалась в показаниях, всё ж таки это было ещё двадцать первое или уже двадцать второе декабря ровно тридцать лет назад. Говорила, что так натерпелась во время родов, что ей эти часы показались вечностью. В метрике мне в итоге написали двадцать первое, но маман каждый год скептически

поджимала губы и говорила: «Вот чую я, эти медсёстры наверняка что-то напугали и не посмотрели на часы. Быть такого не может, что ты родилась до двенадцати. Я точно помню, что мучилась всю ночь. Это же самая длинная ночь в году! Ночь зимнего солнцестояния!»

Но как бы то ни было, справляли мы мой личный праздник двадцать первого, а двадцать второго продолжали веселье, доедая сладости и вкусняшки, оставшиеся со вчерашнего дня. В более зрелом возрасте — на следующий день после банкета я мучилась похмельем.

— Да ну вас, — приснула я от смеха. — Нет! Главное, чтобы он понимал меня и мою жизнь. Не пытался меня переделать, не требовал плясать под его дудку. Из меня ведь не выйдет девушки-колокольчика. И не девушка я уже давно, и цветочком никогда не была. Вы ведь знаете мой характер. И ещё мне категорически не нужен такой, которого придётся перевоспитывать. Я хочу жить полноценной, бурной, страстной жизнью, а не тратить своё время и нервы на то, чтобы сделать из неудачника — человека. Ну и желательно, чтобы у него имелась своя жилплощадь. Я маму очень люблю, но все же привести ей зятя в нашу квартирку — не вариант.

— Эх, — пригорюнились подруги.

Ни одной из них не хотелось плясать под чью-то дудку. А по-другому не получалось. Учитывая наш возраст, молоденькие мальчики, которых можно лепить под себя, из числа претендентов выпали. Взрослые же мужики, которые годились бы нам в мужья, были заядлыми холостяками с уже устояв-

шимся мировоззрением и перевоспитываться не желали, либо разведёнными, которые тем более не хотели снова оказаться под женским каблучком. Да что там под каблучком... Они и штампа в паспорте боялись как огня. Такие, как и наша Ира, «больше» не хотели. Также никому из нас не хотелось неудачника... Но... Много «но»! А то, что оставалось... Да лучше уж так, самой по себе, чем пускать в свою жизнь не пойми кого. Нет, вероятно, если бы накрыло «большое, светлое и страстное», то мы бы быстро передумали. Но это самое «большое и страстное» как-то не спешило. Не спешило даже «маленькое и чувственное».

— Я поняла! — выдохнула пьяная вдрызг Лена. Залпом допила то, что ещё плескалось в её бокале, и сообщила нам: — Варе нужен Тёмный Властелин, который будет принимать её такой, какая она есть, не заставляя плясать и варить борщи. О! — И она подняла указательный палец, подтверждающий значимость её открытия.

Пара секунд тишины, и мы просто зашлись от смеха.

— Девчата, Лене больше не наливать, — вытирая слёзы, простонала Ира, как самая трезвая. Её всё же дома ребёнок ждал, так что она никогда не злоупотребляла. — А вот Варваре — непременно нужно выпить ещё. Всё же юбилей...

За соседним столом к нашей беседе прислушивалась роскошная дама с белыми как снег волосами, холодными голубыми глазами, одетая в белый брючный костюм. Со спинки соседнего стула свисало белоснежное меховое манто, на сиденье сто-

яла такая же белая дорогая сумка. И вообще, вся женщина выглядела словно аристократка, которую неведомо как занесло в этот далеко не самый дорогой ресторан нашего города. Когда мы прекратили обсуждать мужчин, эта женщина отпила глоток белого вина из бокала и позвала официанта, чтобы расплатиться. В какой момент она ушла, я не заметила, потому что отвлеклась на Лену.

Домой я вернулась на такси и, если честно, дорогу помнила плохо. В тёплой машине меня окончательно развезло, и до квартиры я добиралась на автопилоте. Долго не могла попасть ключом в замочную скважину, пока наконец мама не выдержала моей возни и не открыла дверь сама.

— Варя! — укоризненно произнесла она.

— Я теб-бя тоже рюб-рю, мамурь. Мы так хо-рошо пос-сидели с девчонками... Жаль, ред-дко уд-раётся... Всё работа, раб-бота...

Тут на меня напала безудержная икота. Что было дальше, в памяти сохранилось урывками. Умылась вроде бы, это я делаю всегда, даже если невменяема и неадекватна. Прихватила бутылку минералки из холодильника и прошлёпала в свою комнату. Разделась, стоя перед зеркалом во всю дверцу шкафа-купе, даже не включая света в комнате. Впрочем, в зеркальной глади отражались огоньки, вероятно, из окна. Причудливая игра теней и света заставляла их выглядеть так, словно на столе горят свечи и бьются по стенам отблески огня из камина. На себя я не смотрела, так как боялась. Не хотелось видеть пьяное лохматое чудище, которое там сейчас отражается.

А ещё... Только, чур, не смеяться. Моя бабушка, прожившая всю свою долгую жизнь в маленьком глухом районном центре, расположенном в далёких глубинах нашей необъятной Родины, была человеком искренне верующим и при этом... суеверным. Когда я приезжала к ней в гости на летние каникулы, она часто мне говорила: «Варенька, не смотри в зеркало после того, как стемнело. Не нужно. Особенно если не включён свет. Зеркало — это путь в потусторонний мир, и открывается он после захода солнца. К нам может прийти *«ОНО»*, а твою душу могут утянуть в Зазеркалье».

Собственно, она много чего мне рассказывала. Я не забывала поплевать через плечо, ежели мне переходила дорогу чёрная кошка. Если рассыпала соль — бросить щепотку её через плечо и опять-таки трижды сплюнуть, чтобы не поссориться с близкими. И многое другое. А зеркала... Став взрослой, я осознала, что это всё мракобесие и суеверие, но привычка детства осталась: в темноте я старалась по возможности не смотреть на своё отражение. По этой же причине никогда не гадала на жениха с помощью свечей и зеркальца. Ну да! Глупость, я знаю. Ну и плевать, суеверия — это для русского человека нормально.

Меня качнуло, и пришлось опереться о шкаф, чтобы не упасть. Моё лицо белело, глядя на меня провалами глаз. Уф! Ну и напились же мы... Ну да ничего, завтра первый выходной, а значит, успею прийти в себя до понедельника. Но тридцать лет — это, как ни крути, дата весомая. Не отметить было бы преступлением. Я показала своему отражению

неприличный жест, оступилась и опять потеряла равновесие. Пришлось прислониться к зеркалу, чтобы не упасть.

— О-ох! — приложив лоб к холодной глади, я прикрыла глаза. — Баиньки, Варвара Олеговна. Баиньки. Самая длинная ночь в году — это хорошо! Хоть выплюсь наконец...

* * *

Цасси проводила Варвару до самого дома, мчась россыпью снежинок над крышей машины. Усыпала белым пухом плечи девушки и уронила несколько снежинок ей на лицо, как только та выбралась из транспорта. Варя чихнула, что-то пробормотала о холодной зиме и внезапной выюге, которой не ожидалось по прогнозу погоды, и нырнула в тёплое нутро подъезда. А богиня медленно поднялась вверх, разыскивая нужное окно. Заглянула в комнату сквозь стекло, украшенное ледяной изморозью, прислушиваясь к потаённым желаниям выбранной ею смертной. Дохнула морозным облачком, добавляя волшебных узоров на стеклянной глади...

— Какая удача! — свистом ветра отозвался шёпот богини. — Да я могу осчастливить сразу двух смертных. Есть у меня на примете в одном из миров холостой Тёмный Властелин. Неплохой парень, хотя и зануда. Да будет так!

Цасси и сама не знала, отчего решила реализовать мечты именно этой смертной из случайного мира, в который раньше никогда не заглядывала. Просто случайно услышала беседу, отдыхая между

перемещениями из мира в мир, и чем-то зацепил её разговор девушек. А раз так, то почему бы и нет?

Метель усилилась, заметая город, а богиня зимы, льдов и снегов уже покинула этот мир. Её путь лежал туда, где в мрачной тёмной цитадели умирал от скуки владыка Тёмных земель.

ТЁМНЫЙ ВЛАДЫКА

— Владыка, — склонившись, у трона стоял сотник Нерзриг, — дозвольте доложить.

— Ну? — Я лениво шевельнул пальцами, давая разрешение говорить.

— Светлые опять отправили группу. На этот раз их семеро.

— Кто в неё входит?

— Два эльфа, два гнома, два человека и дриада.

— Как неоригинально, — вздохнул я. — Хоть бы раз что-нибудь новенькое придумали.

— Они считают этот состав оптимальным, владыка. Что прикажете?

— Как обычно: найти, уничтожить. Надоели мне эти светлые. Лезут и лезут, как тараканы...

Сотник ушёл, печатая шаг, а я повернул голову к своему советнику:

— А ты что скажешь, Керин?

— То же, что и всегда. Тебе нужно жениться. Если у тебя будет наследник, то светлые перестанут лезть в Тёмную Цитадель. К тому же ты расслабился, перестал быть тем, кто вселяет ужас.

— Не перестанут. Натура у них такая беспокойная. Начинать же всех запугивать снова я не хочу. Скучно.

— Распустился народ. Ты видел сотника? Ещё несколько лет назад на докладах все боялись поднять глаза от пола. А сейчас?

— Да ну их... Никуда они не денутся, боятся или нет, а всё равно я их повелитель. И нет, я не жёнось.

— Но почему? Давай найдём какую-нибудь демоницу из высших? Или из тёмных эльфов.

— Ничего не выйдет. Их интересует власть, но при этом они захотят от этой сладкой власти отстранить меня. Забыл, чем закончился мой брак?

— Нет, конечно. Зулейба заслужила казнь, но ведь не все такие. Можно найти человечку.

— Всё, Керин, всё. — Я встал с каменного неудобного трона, на котором вынужден был просиживать часами, принимая подданных. — А человечка будет трястись от одного моего вида. Трусливый жалкий народец, и женщины у него такие же — безмозглые курицы, падающие в обморок от вида капельки крови. Скучно. И потом, все люди обитают на светлых территориях. Мне ещё не хватало в Цитадели засланницы светлых.

— Но наследник...

— Мне и так хорошо. — Поманив советника за собой, я направился в свои покои.

А там, подойдя к столу, налил себе бокал вина и жестом предложил Керину присоединиться. Вечер прошёл за неспешной беседой и большим количеством превосходного эльфийского. Светлые — это одна большая заноза, но вина на их территориях делают отменные!

— А всё-таки, — пьяно спросил советник. — Вот если бы у тебя была возможность выбирать женщину, какую бы ты предпочёл?

— Ха! Даже так стоит вопрос? Ладно... — Я залпом допил неизвестно уже какой по счёту бокал вина, со стуком водрузил его на стол и начал перечислять: — Она должна быть красивая, умная, смелая, с сильным характером, не плакса... Терпеть не могу женские слёзы, раздражают и хочется сразу прибить, чтобы не слышать этого подвывания. Так, что ещё... Она не должна пытаться меня перевоспитать, но и не прогибалась бы под все мои требования. А то скучно с безвольной тряпкой. Не должна бояться меня, само собой. Чтобы темпераментная и страстная была, а то иначе как наследника делать? Ну и должна принять мой статус, мою страну и мой дом, — обвёл я рукой помещение, — и понимать меня.

— Ты больше никогда не женишься, владыка! — констатировал Керин то, что я и сам знал. — А я, пожалуй, прогуляюсь на поиски этих светлых. Засиделся я что-то. Хоть развеюсь...

— Ладно. И я передумал. Не уничтожайте их, а привезите сюда. Пообщаюсь-ка я с ними...

Налив себе вина, я поднял бокал, отсалютовал, отпил и усталился за окно. Шёл снег, укрывая всё вокруг белым покрывалом. Странная в этом году зима, снежная, что большая редкость. На минуту мне почудилось, что снежинки сложились в красивое женское лицо, смотрящее прямо на меня бельмами глаз. Впрочем, как только я моргнул, белые кристаллики рассыпались, и их унесло ветром. По-